

81.2(24)
м28

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЗАКАВКАЗСКИЙ ФИЛИАЛ

АКАДЕМИК Н. Я. МАРР

К ИСТОРИИ КАВКАЗА ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА

Тифлис — 1933 — ЗакГиз

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЗАКАВКАЗСКИЙ ФИЛИАЛ

АКАДЕМИК Н. Я. МАРР

К ИСТОРИИ КАВКАЗА
ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА

1060

Тифлис — 1933 — ЗакГИЗ

Отв. редактор Э. Л. Груздев-Радин.
Технич. редактор Л. Гамаров. Отв. по выпуску Г. Сорин.
Сдано в производство 14/IX. Подписано к печати 17/IX. Число тип. знаков
в 1 п. л. 1. 34560. Печ. л. Уполн. Главл. А—168. Тираж 3000. Заказ 2821.
Очередной № 97. ЗакГИЗ.

*Посвящается международному
историческому конгрессу
в Варшаве*

К ИСТОРИИ КАВКАЗА ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА

Тема выражает разве сотую часть того, что содержится в комплексе пяти слов без действительного направляющего сигнала «к», в произношении призыва-звука, в письме мертвечины или страшилища «буки», в формальной грамматике предлога для всяких нелепых суждений. Если четко и конкретно представить себе стоящую за каждым словом — мыслью в отдельности реальную силу в качестве соответственно их также действительной увязке, а не ограничивать содержания тем, что получается от слухового или зрительного восприятия его при формалистическом и логическом подходе, тема не выражает и сотой части ее содержания. Сами же слова и действительно одни страшилища — буки, вроде как, напр., слове «грамматика». Ведь и это почтенное многозаслуженное слово с его основой, по-гречески звучащей «грамма», нам представляется вне книжного обихода, не для массы созданного, если не чудовищем, то диковиной такой же, как диким зверем выглядит для просвещенного европейца население того или иного края Кавказа. Между тем «грамма», первично «гур-а-ма», это лишь разновидность мегрельского «гур-а+п'а» 'учение', в основе «гур», представляющей в Закавказье двойник слова «гир» 'буква', 'письмо' у армян, на севере Восточной Европы — «кир» 'книга' у суоми-финнов и т. п. Мегрелы и лазы, они же чаны здесь ближе стоят к грекам, чем к грузинам, у которых 'учение', 'учиться' — с-ц'а-ва у древних феодалов, с-ц'а-в+ла ныне своей основой «ц'а» увязывает их, грузин, с абхазами, у коих тот же первичный элемент слово появляется с той же функ-

цией 'учебы' в ином оформлении — «а-ц'а-ра», вскрывая значение знамения небесного и прямо-таки 'небо' как у грузин «ца» 'небо' (именно 'верхнее небо' — «зэ-ца») — абхазский подтверждает такое осмысление самостоятельным его использованием в противоположном смысле 'низа', 'под'. Это лишь горсточка идеологического разъяснения, зачерпнутая из моря сложнейших увязок в речи народов Кавказа, не только в собственной среде, но и с народами далеко за пределами Кавказа. И эти исторические связи остаются абсолютно покрытыми мраком как анекдотическая «история мидян», что «темна и непонятна», свет их безисходно упрятан под спудом при формалистическом подходе, составляющем наследие и проклятие старого режима не одного русского.

Формалистический подход сковывает наше актуальное строительство в пределах СССР, будет ли это касаться задач, сосредоточивающих внимание момента на всю неотъемлемую территорию, определяемую для краткости обычно количественно «шестая часть мира» (да разве в размерах ее ценность?), или уделять столь же сосредоточенное внимание любому ее отрезку: Средней Азии, Дальнему Востоку, Северу, Центральной Черноземщине, не менее разнообразной по своей истории, чем Северный Кавказ, входящий в состав СССР не одной парочкой автономных областей РСФСР, или Закавказью с новой его социалистической системой районирования. Закавказье, в составе ряда советских социалистических республик и автономных областей, в целом Закавказье, в историческом прошлом составлявшая и общественно-экономически с Северным Кавказом один мир, со включением обществ различных ступеней стадийного развития, ограниченно увязана не природой, и не случайностью встреч, а преодолением природы, в общем производстве трудовым процессом, развертывая картины переломов и сдвигов и в мышлении от первобытного общества до сегодняшних дней бурного социалистического строительства.

Ни Закавказье, по центристскому некогда мышлению, ни Кавказ, тогда близкий по великодержавническому освоению, географически северный, ни в целом Северо-Кавказ с

Юго-Кавказом, т.е. весь Кавказ, никогда не был лишь перешейком случайных встреч и случайного механистического оседания двигавшихся с севера на юг или хотя бы с юга на север, с востока на запад или с запада на восток текущих масс народов различного происхождения, чуждых друг другу, расово враждебных. Это противоречит действительности. Это недоразумение, но недоразумение также не случайное, а вклад классовой политики. А какой источник для такого утверждения исторического порядка, но не одной исторически погребенной значимости? — Язык, всегда язык наиболее беспристрастно, и часто только язык.

Язык все более и более становится незаметно предметом, на котором сосредоточивается уже не речевое, а деловое внимание. И с ним также незаметно обнаруживается рост нового проникновенного постижения, интереса к наличной марксистско-ленинской лингвистике, новому учению об языке, языковедной теории, носящей лишь по историческому наследию название «яфетической». Термин «яфетический» в дальнейшем приходится сохранять лишь в применении к группе языков определенной системы, количественно и качественно уточняя ее содержание введением в нее на переживаемой ступени в первую очередь турецкого с учетом его неизведанных глубин и его экстенсии, да и в применении к ним термин «яфетический» сохраняется до поры, до времени, именно до коренного пересмотра вообще научной терминологии по языковедению и смежным с ним областям знания, общественным, точнее обществоведческим наукам, и наукам им противопоставляемым, вернее противопоставлявшимся в до-социалистическом обществе, именно натуралистическим, естественно, у наук с предметами исследования одного с языком происхождения, одной с языком социально-генетической природы не тождественное с природоведными науками оборудование исследовательской работы, но метод один — диалектико-материалистический, марксистско-ленинский, и противоположение исследовательской работы с одной стороны обществоведа, с другой стороны — натуралиста совершенно особого порядка, изменчивого и в этом разрезе, разумеется, у общественных наук выявляется ближайшее родство внутри дей-

ственного их самих роста. Однако, каковы бы ни были расхождения самих наук, общественных и естественных, как бы кричаще ни противоречили друг другу в нашем обычном или привычном представлении предметы исследования, общественные и естественные в их материальном моменте, самой материи, никак не может быть отрицаемо единство источника, следовательно, и сродство обществоведческой исследовательской работы и исследовательской работы натуралистов, да и теперь это родство ярко сказывается, когда мы не отводим историю предмета, когда, наоборот, мы изучаем историю в частности и языка как осмысливаемое материальным базисом и создаваемое им диалектически творческое движение. И при всей противоположности, наоборот, в виду именно этой противоположности, диалектика природы и диалектика языка увязаны друг с другом исторически, это различные ступени одной и той же истории с той, понятно, непреходимой без скачка гранью, зияющей бездной, что тогда как диалектика природы протекает по закономерностям и природным, диалектика языка, во всей его целокупности со включением и звуков, совершается не по природным физиологическим, а по социальным закономерностям с техникой качественно более высокой ступени. Отрицать их такое исторически выявляемое единство, это значит то же, как если бы кто отверг движение всего планетарного мира, всех космических тел, не только луны и солнца, вообще светил, пусть мнимых, и земли и что на земле, хотя бы никто и ничто из них этого не осознавали.

Следовательно, выходит так, что если бы не учесть моей специальности, а в первую очередь инициативы актива среды, куда тянет не одна честь быть приглашенным и где выступаю с сообщением на тему «История Кавказа по данным языка» с призывом к ней, то отнюдь не исключается, что аудитория при неучете уточняющих содержание темы трех слов «по данным языка», совершенно основательно может ждать от доклада «Истории природы Кавказа», более того, при наличии в широком круге читателей, ориентированных в достижениях нового учения об языке, в новой языковедной теории, она, это массовая

аудитория, имеет полное основание ждать от нашего доклада, по связи общественно-исторических наук с естественно-историческими науками, истории природы Кавказа и без отвода трех указанных слов, следовательно при сохранении непочато полностью заявленной темы — «История Кавказа по данным языка».

Их такое историческое сродство можно отвергать лишь ценой отказа от истории, безразлично, будет ли этот отказ от историзма вызван подменой его «божьем промыслом», созданием феодального общества, или, что сводится к тому же, подменой его иной ступени, идеализмом, созданием буржуазного классового общества, тем более отрешенным от жизненных сдвигов и тем более враждебных подлинному источнику такого движения, технике, чем более общество преуспевает технически, с перебросом источника идеологии, идеалистической, на силы природы, как производительные, или целиком на ее противоположность — на механистический техницизм, так наз. вульгарный, собственно поддельный материализм.

Раньше цеховые мастера по истории делили ее по отвлеченному от производства и производственных отношений восприятию времени и места. Ныне цеховые мастера, став учеными спецами, не только включают «до-историю», собственно историю первобытного общества, да и ее пре-историю, подготовительную стадию, не одну, в историю первобытного общества, но историю начинают изучать с перспективой от истории классового общества, исходя из настоящего, колоссальных и сложных нужд технического производства и сложнейших и неуловимо-тончайших потребностей нашей общественности, лицом к преодолеваемому будущему, без утраты древнего мира из поля нашего зрения, наоборот, с повышением его на более высокую качественную ступень от количественных взаимных связей, более четких в современности и в самом нашем понимании, в его средствах и способах.

Повернувшись, таким образом, задом к прошлому, отнюдь не выступающему перед современной пытливостью мертвечиной в застывших формах, мы из поля нашего всевидящего зрения не выбрасываем чего? Предметов, вещей

фетишей? О нет, — творческих сдвигов, скрытых под формами, только и доступными примитивным орудиям и способам осознания, орудиям зрительным и чувственным, не природным, а взращенным в степени их восприятия нами поныне за природные, на деле созданным и взращиваемым материальным производством, преодолением коллективно всех противоречий в трудовом процессе и в процессе слагавшегося им мышления, в первую очередь сознания, передового вождя основных категорий мышления. Мы движем во всех измерениях историю, кладя в главу угла ее построения, в первую очередь борьбу по противоречиям в классовом обществе, капиталистическом, из которого мы вышли, борьбу за создание будущего бесклассового коммунистического общества, что мы ныне строим на нашем отрезке социалистически.

А кто творец тех сдвигов в надстройке? Рабочники как бы производственники на местах их экономически-технических переплетов и расхождений и социальных отставаний по культуре при новой технике.

Какая ничтожная вещь буква, а вот при выступлении 16-го февраля 1933 года в Москве на первом пленуме Всесоюзного Центрального Комитета нового алфавита пришлось признать, что «это исторический день советского социалистического строительства на культурно-просветительном фронте, с охватом всех идеологических участков, как в требующих предельной осторожности областях на грани опаснейших высот научной пока лишь мысли и художественного творчества, так на решающих полях массового интереса трудящихся всех наций Советского Союза, от самых девственных до Октября в отношении грамотности низов до сложившихся уже на местах слоев советской трудовой интеллигенции, со включением твердо ставших с нами работников не за страх, а за совесть из живого наследия старой культуры. Массовый интерес не один здесь, на этих **полях** лишь аллегорически, в действительности и на ухабах, и в горах, да в ущельях, вообще в самых заброшенных при старом режиме медвежьих углах, на полях классовой борьбы тончайшего, порой материально неуловимого порядка и потому требующего исключительной бди-

тельности, когда изощренный в науках враг, не лишенный умения эксплуатировать чужой труд и его продукцию, отнюдь еще не прочь использовать наши новые формы организации, а то и самое технику их против нас. Язык, однако, предмет не только массового интереса, массовой жажды знаний по языку и теории познания языка; интерес и жажда трудовых слоев наций нашего Союза направлены на стройку литературного языка, которого у них раньше не было, и на перестройку литературного языка, бывшего, да процветавшего до Октября, но по содержанию не отвечающего потребностям строящегося социализма, а по форме находящегося в противоречии с мышлением новых пролетарско-трудовых масс».

Боюсь затруднять подробностями связи письма и языка, хотя и эти подробности более чем где-либо выявляют себя для построения предмета нашей темы, истории. Поэтому же воздерживаюсь от трактовки в полной мере того, что писал Маркс более трех четвертей века тому назад по феноменологии идеалиста Гегеля, выявляя тогдашнее свое отношение к Гегелю и к Фейербаху:

«Не важно различие вещей, так как субстанция как саморазличие или саморазличение, различие, деятельность разума воспринимается как существенное. Гегель поэтому дал внутри самой спекуляции (созерцательного изыскания) действительные различия (размежевания, определения), постигающие вещи».

Термин деятельности, точнее действия «постигающие», возносящий нас в высокий мир умствования, целесообразнее перевести через не столь изящный пожалуй грубый 'схватывающие' или даже 'захватывающие', что низводит нас вниз — ближе к земным делам, к собственническим, и это и нехорошо и недурно в зависимости от того, кто собственник, единица, разрозненные единицы, группы единиц или весь коллектив с его также группами, единицами, но уже индивидуальными в коллективе по противоположности их. Но как распознать эти коллективы единицы в отличие от сброда единиц, когда наблюдаем «себя снятие с политического бытия — смешение (себя) с античным государством» и «когда разум, воля, чувство, если не само-

рить сейчас и о праве, так называемом обычном праве, доселе камни преткновения и источник нескончаемых отвлеченных философских споров при неучете их функций и общих корней их происхождения из материального производства».

Само собой понятно снятие античного общества с фантастической ступени, как естественно Востока с положения экзотического мира, не снижает действительной ценности греко-римской и специально греческой, не аннулирует эллинской культуры, как не обесценивает и не упраздняет на мнимо-экзотическом Востоке ряда, казалось бы, в корне расходящихся восточных культур, от средиземноморской с переднеазиатской до дальневосточно-северной, наоборот, усиливает ее, действенность всей совокупности и каждой в отдельности, а сама история их во всех противоположностях объединяется диалектически в разрезе времени.

Нет более истории и доистории, нет отдельной истории Запада и Востока, нет и удушливой атмосферы изолированности групповой семитов, хамитов, славян, арийцев или индогерманцев, хотя-бы—германцев, собственно германов и готов, оказавшихся в ближайшем родстве первые со сванами, вторые с мегрелами и чанами или лазами, и среди групп нет особой, без увязки с окружением истории одиночек, раскинутых повсеместно, так—самых греков, особенно армян и евреев, предметов давно назревшей серьезнейшей проблемы о категории их национальности. Техника языка и техника мышления говорят изумительные вещи.

Новое учение об языке также имеет свою доисторию. Идеологически и по методу, и по теории познания она начинается с марксизма, с первых основоположников—Маркса и Энгельса; конкретно же, по реализации, начало исторического появления на свете новой языковедной теории, можно бы думать, относится к декларативному студенческому заявлению на столбцах грузинской газеты в 1888 г., еще более конкретизированно—к 1908 г., когда появились в печати «Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическим».

Как ни одно из декларативных заявлений студенческого выступления в грузинской прессе не осталось без движения, без оправдания дальнейшим развитием их уже в научно обоснованные положения, так ни одно из положений «Основных таблиц» по взрыву прежней изолированности грузинского языка на самом Кавказе не обходится вместе с тем без взлома мировоззрений классово буржуазного общества, без взлома созданных лживых перегородок в первую голову между европейцами и семитами, а потом между всеми системами языков, которые дотоле, а в буржуазном мире доселе считались не соизмеримыми друг с другом, чуждыми друг другу расово возникшими семьями. Тем не менее и предварительное сообщение о родстве грузинского языка с семитическими является не дверью, а преддверием в историю новой языковедной теории, не историей, а преисторией при всем том, что сама мысль, уже четко сложившаяся, была порождением не умствования, не продуктом отвлеченной исследовательской работы в условиях высшей школы Ленинградского, тогда Петербургского Университета, именно наличного в нем факультета восточных языков в эпоху блестящего его расцвета мировой известности; здесь получалось лишь оформление порожденной социальными взаимоотношениями в Закавказье мысли, сама же мысль, содержание, была продукцией, созданной и развитой творческой борьбой на социально-экономической почве Закавказских наций и племен с русским великодержавием и всех их, коренных и пришлых между собою, и тогда молодое новое учение об языке встало за национальность против национализма, и тогда оно подвергалось самым яростным и не щадившим никого, не гнушавшимся никакими средствами нападкам всех реакционных и мнимо нереакционных слоев общества, и в них оно крепло и нарастало.

История начинается после Октябрьской революции, когда работа, развившаяся дотоле в тех путях, в каких она должна была протекать, если бы она протекала по заказу самого Маркса, указывавшего изучать историю материального производства как базиса надстройки, велась действительно с 1891 года на увязанности истории языка с

историей материальной культуры, и в 1903-м году появилась печатно не мысль, а работа, «Грамматика древнеармянского языка», где было на самом языковедном материале осознано социальное, а не по кровному родству происхождение языков, где были различены феодальные языки Армении и Грузии, как сродные друг с другом и в то же время отличные от низовых массовых языков и той и другой стороны, тогда называвшихся народными и также осознанных, как социально родственные друг с другом и в противоположности с феодальными, и это углубленная специальная работа велась однако без осознания наличной в новом языковедении учении познавательной новизны, его теоретически новых основных моментов, да в том числе ряда присущих ему еще тогда марксистских положений.

Как марксистское, новое учение об языке сложилось с синтезом, дать который получилась возможность лишь с появлением в печати труда «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании Средиземноморской культуры» в 1921-м году, и дальнейшее углубление это—плод активного участия в революционном творчестве СССР, углубившего учение до ленинского понимания теории познания, до сталинской четкой формулировки определения национальной культуры, включая язык и его технику.

С этим вся история не Грузии и Армении, не Закавказья, не Кавказа лишь, а в мировом масштабе оказалась и находится в положении, требующем коренного пересмотра, nonché в первую очередь требует коренного пересмотра та часть, которая больше изучалась буржуазными историками, именно греко-римская, и реализация потребности такого коренного пересмотра началась задолго до только что совершенной поездки в Анатолийскую Турцию и Восточное Средиземноморье. А Кавказ? А Кавказ доселе имеет не историю, а классовую феодально-буржуазную классификацию истории отдельных национальных мирков при наличии богатейших материалов для построения подлинной истории, марксистско-ленинской, при наличии уже четких наметок истории, сделанных в освещении нового учения об языке и для общекавказской истории. Да разве только по Закавказью, да Кавказу, наличны такие четкие наметки

исторического построения, прорублены яркие просеки новым учением об языке в темном бору устаревших исторических знаний, подрывы напластования позднейших эпох, казавшихся грунтом, прослежены жизненные побеги начальных завязей, вскрытых при оголении корней, о коих не только конкретного представления не было, не было даже стихийно-гадательных исканий? А по эпохам истории населения самой Западной Европы того, что действительно и творчески предшествовало и Франции и до-римской Галлии, на галло-бретонском материке,—того, что развертывалось на британских островах, до развития Англии из него, и того, что созидалось на Пиренейском или Иберском полуострове, до порождения из него Испании и Португалии? И в Восточной Европе в том же порядке с яркостью осязаемых предметов установлены уже требующие учета достижения по связи с мидами, скифами, кимерами и так далее. Или история трактовки проблем истории Восточной Европы должна протекать на конгрессах в старых путях замалчивания этих конкретных достижений о конкретных советских нациях, чувашах, удмуртах, комих и т. д.?! А самое новое учение призвано пробивать себе пути как бы подпольно в кавказских ущельях?! Но ведь по истории Кавказа не более благополучно: общей истории Кавказа вообще не существует и не может существовать, когда предпосылками для ее построения пользуются работами старого буржуазного порядка, и тогда, когда перед нами фундаментальные труды, принадлежащие специалистам исключительного осведомления и вооружения полной академической, «гуманитарно-академической», но не общественной и гуманной марксистской подготовки. Язык как источник истории появился весьма рано в росте новой яфетинской теории и не переставал входить в основную линию исследовательской работы, завершившейся созданием нового учения об языке. Язык в новой разработке усиливал увязки «разнорасовых» народностей количественно и вместе с тем повышал качественные признаки исследовательской работы последующей ступени, с чем углублялось в различных разрезах каждое новое достижение и развивалась техника самого исследовательского процесса над явлениями одной и

той же категории. И от этого не только все точнее и реальнее вскрывалось понятие, сначала философское, впоследствии идущее на его смену научное, в подлинной его стойкости и реальности, но перебросом объекта изысканий, мишени, в которую целился ученый исследователь, на субъект, самого специалиста, техника его мышления, оборудованная более отточенным, в зависимости от выросшей техники материального производства, острием диалектики, усиливала просвечивание исследуемого мысленного предмета, самого сокровенного самосоздания, обнажала подлинный строй, сложную технику обоих моментов понятия, формального и идеологического, не только в отношении содержания, но и в процессе его действия.

Попутно прихваченная с первых же шагов в эту работу живая старина родной среды, перерастая через этнологию, в начальные годы и вовсе без ее осознания, в историческую социологию, дала выделить особую также историческую область теории познания, это вскрытие движения времени в названиях неподвижных мест, прежде всего опорных пунктов развертывания строительства и с нею реальной истории. В буржуазной науке это так называемая топонимика без четкого учета того, что она (в неразрывном единстве с мифами) нам дает зеркальное отражение до-религиозных мировоззрений в образном исключительно мышлении, ряда их коренных смен. Первый опыт на пути к этно-топонимике это — этимологическое толкование названия города Батума, помещенное в одном из выпусков основанного в 1881 г. органа грузинской ученической общности. Орган возник в период бурных переживаний внутреннего анти-религиозного настроения, ряда нарушений дисциплины, крайних выходов против школьного, еще более удушливого пансионного режима и гонений на грузинский язык. Толкование увязывало кавказский черноморский город по его грузинскому названию «Ба-т'о-м» с греками через их слово «бат'у» 'глубокий', долженствовавшее характеризовать явно не дело, а место с 'глубокой гаванью'.

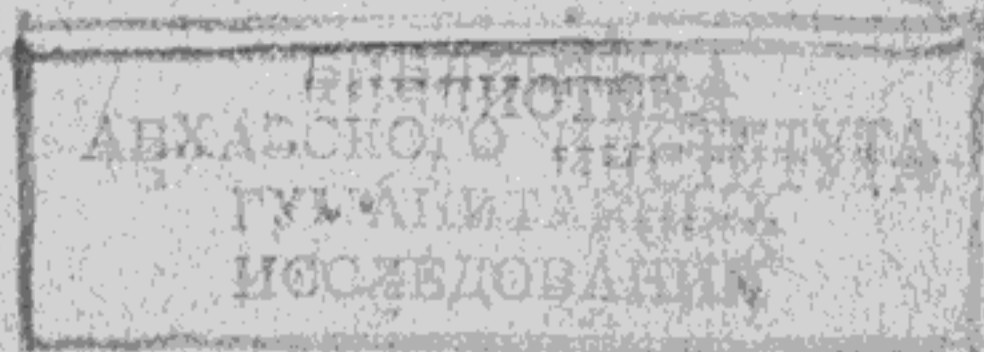
Расстояние большое качественное между ним и хотя бы «Непочатым источником истории Кавказского мира», по-

явившимся в печати в 1917 г. перед Октябрьской революцией.

В работе этой учет лишь пространственных движений — внешних, не временных внутренних, определяемых функциями. Функции сменялись даже основные. Сменялась социальная функция самого языка: язык, сейчас и с давних пор орудие общения или материал для художественного творчества, первично был орудием производства наравне с секирой, стрелой, лодкой и предметом владения, собственности. Собственническая же функция, вначале коллективная, это право того или иного творческого социального слоя, длительно перераставшего в класс. Новое учение об языке не сразу доискалось классовости его, а доискавшись, вынуждено было отказаться от природности и т. н. народного языка. В какой степени классовая борьба, замалчиваемая раньше вовсе, захватывая постепенно все, вторгалась даже в так называемый неприкосновенный текст священного писания, в частности и евангелия, можно видеть по совершенно специальной заметке, напечатанной в докладах Академии Наук в 1930 году под заглавием «Борьба классов в грузинских версиях евангельского текста (К датировке адышского евангелия и опять к вопросу о скифах, русах)».

Однако все это, даже последние работы с недавними датами отошли далеко — отстали от актуальной ступени нового учения об языке. Сегодня греч. «ба-ту» отнюдь не теряет намеченного ему места в этой звуковой увязке, но выявляет совершенно обратные взаимоотношения в зависимости от осмысления, содержания. Трудно себе представить, а это факт, что с одной стороны начальный слог, пережиток элемента В, имеет тоже значение 'глубины' в грузинской разновидности «ма», снабженной однако идеологическим дифференциалом «г'р» (г. «г'р-ма» 'глубокий'), первично «г'ур» (ср. груз. «г'ру» 'углубление', 'нора'), и разновидности губной огласовки «бо», с усечением «б-» также снабженной тем же идеологическим дифференциалом в варианте «глу» (первично «гул») в составе русского слова «глу+б-ь», «глу+б-о+ко-й», с другой стороны это значение 'глубины' ('глубь', 'глубокий', могли бы прихватить и

араб. класс. и средневеков.) лишь свойство (раньше—'принадлежность') предмета, который данное слово сигнализировало, а сигнализировало оно не только этот предмет по связи с производством, именно—'море', 'озеро', 'пруд' (мегр. 'тубо'—'туба', груз. 'т-ба'), но десяток других также по функциональной смене, того же или иного порядка, так и животнототемного, когда о 'глубине' понятия не было. И не один—«Ба-ту+м»—получает совершенно иное, в своей столь же сложной причинности вскрытое раз'яснение. И потому работа «Непочатый источник истории кавказского края», имевшая в виду Дагестан, сейчас получает значимость призыва к организованной работе по общей истории всего Кавказа, но призыв останется гласом вопиющего в пустыне, если подготовка новых исследовательских кадров для работы по новому из нового социального слоя различных национальностей не будет поставлена решительно в первоочередной порядок дня. Мы будем топтаться на месте, без движения в истории, как безнадежно топчется в Средиземноморье европейская научная историческая мысль. Советский Союз такой роскоши, как топтание на месте, не может предоставить ни себе, ни другим, не может никак и далее вычеркивать из исторических наук язык, этот наиболее беспристрастный осведомитель беспримерного охвата и источник проникновения по истории вообще, в первую очередь—мировоззрений, а с ними также изменчивого мышления и его техники. И менее всего можно игнорировать достижения этого порядка на тех отрезках многоязычья, где, при освоении с техникой мышления по новому учению, и малоязычье, и даже единство языка и письма легче достигается в этой среде одних противоположностей, ибо язык одновременно историчен и политехничен.

75 коп.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:
Тифлис, пр. Руставели, 24—ЗакГИЗ